

ЕВГЕНИЙ ХЕЛИМСКИЙ

**ЯЗЫК(И) АВАРОВ:  
ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИЙ АСПЕКТ**

Пожалуй, к достоверным результатам многолетних исследований по проблеме происхождения и языковой принадлежности аваров можно отнести только констатацию полиэтничности сложившегося в Карпатском бассейне в VI в. аварского конгломерата и доминации в нем алтайского компонента – выходцев из Центральной Азии (Pohl 1988: 223-225). Некоторые авторы при этом склоняются к версии о тюркоязычности аваров или, во всяком случае, правящего слоя каганата (Gombocz 1916: 102; Németh 1930: 101-105; Moravcsik 1983 I: 72; Györffy 1997: 144; см. тж. Pohl 1988: 415, Anm. 72) или даже – например, в значительной части энциклопедических справочников – просто обозначают их как “тюркский народ”. Другие столь же категорично отождествляют их с монголами (Menges 1968a passim, 1968b: 20-21; Менгес 1979 passim, см. тж. Pohl 1988: 415, Anm. 70); еще чаще тюркская и монгольская версии сосуществуют в той или иной комбинации (Sinor 1969: 147; Ligeti 1986: 149; Golden 1992: 110; Benkő 1996: 962).

Третья группа алтайских языков и народов – тунгусо-маньчжурская – в “аварском” контексте обычно игнорируется или упоминается разве что вскользь. Такое отношение довольно понятно.

Во-первых, в довольно скудном языковом материале по аварскому каганату, включающем преимущественно личные имена и титулатуру (см. сводки: Németh 1930: 103-105; Ligeti 1986; Golden 1992: 110), представлены формы, которые с высокой долей вероятности можно квалифицировать как тюркские (*Canizauci* / *Cam-*

*zauci* ЛИ = тюрк. *qam sauci* “шаман-посланник”; хорошо известный по неаварским материалам титул *tudun*). Что касается тюркского компонента в аварском языковом наследии, то его присутствие, особенно в позднюю аварскую эпоху, было неизбежным хотя бы уже ввиду соседства и интенсивных взаимодействий каганата с Дунайской Болгарией – и само по себе мало что говорит о происхождении аваров. Попытки же этимологизации всего аварского материала на тюркской и монгольской основе привели к далеко не полным и во многом неудовлетворительным результатам.

Во-вторых, географическое распространение тунгусо-маньчжурских языков к востоку и к северу от тюркских и от монгольских позволяет а priori считать их проникновение далеко на запад менее вероятным.

“Менее вероятно” не означает, тем не менее, “невозможно”. Существует ряд соображений, которые приводят к мысли о желательности систематического учета тунгусо-маньчжурского фактора – наряду с тюркским и монгольским – в исследованиях по этнической истории Великой Степи, от Маньчжурии до Венгрии и даже, возможно, о соответствующем пересмотре некоторых традиционных идентификаций и этимологий.

А. Традиции масштабных завоеваний и создания обширных, хотя и непрочных степных империй (с последующим завоеванием и включением в их состав густонаселенных территорий с земледельческой и городской цивилизацией) у тунгусо-маньчжуров по своей древности могут соперничать с соответствующими тюркскими и монгольскими традициями. Чжурчжэни, предки маньчжуров, создали свое государство в Приамурье и на севере Китая (династия Цзинь) не позднее 1115 г.<sup>1</sup> Сомнительно, чтобы этот достоверный и весьма успешный выход на мировую историческую арену был первым опытом такого рода. Хронологически государству чжурчжэней предшествовали в том же географическом ареале империи киданей (Ляо, X–XI вв.), жужаней или жуань-жуаней (V–VI вв.) и табгачей (Вэй, IV–VI). Предположение

<sup>1</sup> Можно упомянуть, что высокая мобильность и контактная активность северных тунгусо-маньчжуров в таежной зоне – что, впрочем, нельзя приравнивать к имперским завоеваниям – датируется по крайней мере концом I тыс. до н.э. (Futaky 1973; Хелимский 1985).

о монгольском (или парамонгольском, см. Janhunen 1996: 146) характере языка киданей остается – ввиду недешифрованности киданьского письма – лишь правдоподобной гипотезой (Ibid.: 139 ff.). Возможность идентификации на тунгусо-маньчжурской основе некоторых лингвистических данных о Ляо из китайских хроник подробно обсуждалась К. Г. Менгесом, хотя и без бесспорно надежных результатов (Menges 1968a). Гипотезы касательно происхождения и языка жуань-жуаней и табгачей – исторически несомненно связанных с европейскими аварами – в основном вращаются в том же замкнутом тюрко-монгольском круге, что и при обсуждении собственно аварской проблематики (см. Janhunen 1996: 189–193). Основную трудность составляет неадекватность передачи фонетического облика иноязычных имен и титулов транскрипционными средствами китайской иероглифики.

Можно, однако, отметить, что среди множества возможных сопоставлений для этнонима *жужань* (Jou-jan, Rou-ran, [ńǰiɕu-ńǰǎn], см. Golden 1992: 76; Janhunen 1996: 190) внимания заслуживает его сравнение с (само)названием чжурчжэней *cū-siēn* = маньчж. *jurčen* (ТМС 1: 278). Как известно, именно с центрально-азиатскими жужанями (позднее “переименованными” в жуань-жуаней) связывает исследовательская традиция европейских аваров (Kollautz, Miyakawa 1970). Разумеется, фонетическое сходство, как и при других сопоставлениях, может быть обманчивым, а принадлежность этнонима определенному народу исторически неустойчивой (Janhunen 1996: 185).

Б. В работах И. Футаки (Futaky 1970, 1973, ср. также Futaky 1980: 52–55, 1995) выявлен ряд вероятных тунгусо-маньчжурских заимствований в венгерском языке – при этом по крайней мере несколько этимологий (для венг. *beteg* ‘больной’, *oldal* ‘сторона’, *hamar* ‘быстро’, *kandl* ‘ложка’) представляются бесспорными. Налицо также возможности этимологизации некоторых распространенных др.-венгерских топонимов и этнонимов на тунгусо-маньчжурской основе, хотя в данном случае результаты оказываются, естественно, более проблематичными, чем при этимологизации апеллятивов (Futaky 1999, а также некоторые материалы из готовящейся к изданию монографии И. Футаки, любезно предоставленные мне ее автором). В целом данные результаты позволя-

ют с высокой долей вероятности предполагать присутствие тунгусо-маньчжурского этноязыкового компонента в бассейне Карпат (Futaky 1995: 337, 339) – или, во всяком случае, достаточно далеко на западе, чтобы влияние этого компонента могло достичь протонгров.

В. Автор данной статьи в недавней публикации предложил новое прочтение “аварской” надписи Буйлы, выполненной греческими буквами на блюде из золотого клада из Надь-Сентмиклоша (Helimski 2000). Большинство исследователей этого текста считали его тюркским, результатом чего явилось не менее десятка вариантов прочтения надписи, радикально противоречащих друг другу (а порой и здравому смыслу). Предположение о том, что надпись выполнена на языке, довольно близком к пратунгусо-маньчжурскому и обнаруживающем определенные специфические черты, сходные с раннеманьчжурским, приводит к лингвистически корректному (с точки зрения как греческой графики, так и тунгусо-маньчжурской грамматики) и логически связному прочтению:

*buila* (-jl-) • *zoapan* (ž-, 3-, ž-) • *tesi* (-ī) • *dügetügi* (*dügetüji*, *düjetüji*; -ī) • *bataul*  
 Буйла жупан царь сменя- Бутаул

*zoapan* (ž-, 3-, ž-) • *tagrogi* (-roj-; -ī) • *icigi* (*iciji*; ī-; -č-; -ī) • *tesi* (-ī)  
 жупан узна- наблюда- царь

Глагольные формы могут иметь значение презенса или причастия наст. вр., именные формы в номинативе – субъектное или объектное значение. Наиболее вероятная, хотя синтаксически и не единственно допустимая интерпретация данного текста: *Буйлу-жупана “царь” (каган? базилевс? император?) сменяет. Бутаула-жупана признает и контролирует “царь”*.

Естественно, именно новая интерпретация надписи Буйлы послужила для меня толчком к поиску других возможных тунгусо-маньчжурских следов в небогатом языковом наследии Аварского каганата. Некоторые предварительные результаты такого поиска изложены ниже. Как нетрудно удостовериться, речь пойдет о формах, которые издавна привлекали внимание исследователей и “алтайское” происхождение которых не вызывает сомнений. Не

пытаясь в большинстве случаев категорически опровергнуть существующие тюркские или монгольские этимологии (а лишь указывая при необходимости на их слабые звенья), я предлагаю читателям оценить, как выглядят в сравнении с ними тунгусо-маньчжурские альтернативы.

### 1. *Apar* ‘авар’

В литературе преобладает точка зрения, согласно которой этноним *авар*, лат. *Avares*, *Avari*, греч. *Ἀβάροι* (*Ἀβάρεις*, *Ἀβάρεις*, *Ἀβάρης*, *Ἀβάρης*), др.-рус. Pl. *объре*, Sg. *объринь* имеет тюркское происхождение и первоначальное значение ‘мятежник’: *aba-r* nomen aoristi к тюрк. *aba-* ‘сопротивляться; быть упорствующим, сопротивляющимся’ (Németh 1930: 105; Kalima 1950: 307; ЭСРЯ III: 107; Менгес 1979: 121; Gołab 1992: 399).

Европейская форма с *-b/-v-* должна быть признана вторичной, лениционной по сравнению с тюркской формой данного этнонима: *PR* в перечне племен и народов из надписи Кюль-Тегина (732 г.) обычно читают *apar* и обоснованно идентифицируют с европейскими *abar*, *avar* (Gabain 1950: 249-250, 295; ДТС 47; Менгес 1979: 42). Перечень включает этнонимы: *Tabuač*, *Töpüt*, *Apar*, *Purim*, *Qırqız*, *Üč-Qurıq(a)n*, *Otuz-Tatar*, *Qutany*, *T(a)t(a)bi*. То обстоятельство, что стоящие в начале этого перечня этнонимы *Apar* и *Tabuač* тесно связываются друг с другом и в византийском источнике – повествовании о предыстории аваров у Феофилакта Симокатты (*Ἀβάροι*, *Ταυῦᾶστ* – TheophSim 159-161, см. также: Tryjarski 1995: 46-47; Szádeczky-Kardoss 1998: 14-15), повышает надежность данной идентификации.

Предложенный Д. Неметом тюркский этимон вызывает определенные сомнения<sup>2</sup>. Он засвидетельствован, насколько мне известно, только как тур. (ст.-осман.) и чагат. (R I,1 620) *aba* ‘отказаться, не слушаться – absagen, ungehorsam sein’. Фиксация в двух тесно взаимодействовавших среднетюркских литературных языках при отсутствии каких-либо древнетюркских данных или следов в современных диалектах – довольно шаткая основа для

<sup>2</sup> См. Ölmez 1997: 175, где форма *Apar* признается труднообъяснимой на тюркской почве и поэтому заимствованной.

предположения о существовании др.-тюрк. *apa-* (откуда *Apar*), развившегося с леницией в тур., чагат. *aba-*; скорее следует думать об инновационном характере засвидетельствованных среднетюркских форм<sup>3</sup>.

Известна и попытка объяснить этноним *авар* на монгольской основе, из *\*abarga* 'ползучее существо, червь, змея' к письм.-монг. *abari-* 'карабкаться, ползти, пресмыкаться' (Kollautz, Miyakawa 1970 I: 56, 105; Czeglédy 1983: 102; Pohl 1988: 32-33 – со

<sup>3</sup> В этой связи внимания заслуживают две версии:

А. Деривационная связь с др.-уйг. (R I 1 620; ДТС 1) *aba* – междометие отвращения, негодования, которое могло быть переосмыслено как императив *aba!* 'откажись, не слушайся' и быть далее дополнено остальными парадигматическими формами. Однако междометие явно не могло служить основой для образования этнонима!

Б. В арабском языке мы находим фонетически и семантически тождественный корень *abā* 'sich weigern, ablehnen, zurückweisen, verabscheuen, abschlagen, wegwerfen' (Wehr 1956: 2). Данный корень заимствован и в турецкий язык – как обычно для глаголов-арабизмов, в форме масдара:

*ibā* 'Abneigung, Widerwille; Abscheu, Greuel; Seekrankheit' < ar. *ibā* 'Ablehnung, Abneigung, Widerstreben, Stolz' (1680: *ibā* 'aversio, fastidium, nausea'; *ibā etmek* 'declinare, deflectere, fugere, vitare, cavere, abstinere, procul esse, revocare se; rebuere, detrectare, [...], averti, aversari, fastidire, abhorre, detestari, & refugere, nolle, abstinere' (Stachowski 1975 I: 120).

Примечательно практически полное семантическое тождество двух турецких слов: (1) *abama* 'Weigerung, Ablehnung', *abamak* 'ablehnen, abweisen, zurückweisen, eine abschlägige Antwort geben'; (2) *ibā* 'Weigerung, Verweigerung, Nichtbewilligung, -gewährung; Enthaltung, Enthaltsamkeit', *iba etm[ek]* 'verweigern' (Heuser 1962: I, 259). Оно наводит на мысль о двойном заимствовании – во втором случае по стандартной модели "масдар + *et-*", в первом же нестандартно, на основе одной из финитных форм арабского глагола (вынужден, впрочем, отметить, что другие такие глагольные заимствования турецкому языку, судя по данным словаря Ст. Стаховского, неизвестны). Естественно, что литературный характер обоих тюркских языков, в которых засвидетельствован глагол *aba-* 'отказаться, не слушаться', делает предположение о связи с арабской формой особенно привлекательным.

значительным скепсисом; Golden 1992: 76). Проблему объяснения тюрк. *Apar* данная версия также не решает, а лишь затрудняет.

Исходным пунктом для предлагаемой здесь альтернативной тунгусо-маньчжурской этимологии служит ПТМ *\*apa-* (ТМС 1: 47), представленное как:

нан. *apa-* (бикин. *afa-*) 'нападать, наступать, атаковать; накидываться';

маньчж. *afa-* 'нападать; сражаться; зацепляться';

солон. *apaldi-* 'сражаться'

(в других тунг.-маньчж. языках данная основа не засвидетельствована).

Среди отмеченных в ТМС регулярных дериватов от данной основы особый интерес представляет маньчж. *afan amba* 'задорный, забияка' (*amba* 'великий, большой, огромный'). Первый компонент этого словосочетания – производное отглагольное имя *afa-n* (*\*apa-n*) 'нападение; нападающий, боец'<sup>4</sup>. Форму мн. числа к этому имени следует реконструировать как ПТМ *\*apa-r*<sup>5</sup>.

Тем самым *apar* 'нападающие, бойцы' как исходная форма этнонима *авар* получает вполне убедительное толкование на тунг.-маньчж. почве. Лениция (*\*p-/f- > -b/-v-*) могла произойти в языке-источнике (ср. Benzing 1955: 33 – *\*p- > -f-, -w-, -g-, -θ-*) либо указывать на посредство лениционных тюркских диалектов.

С трактовкой *apar* как формы мн. числа хорошо согласуется славянское морфологическое оформление с сингулятивным суффиксом в ед. числе: *объре*, Sg. *объринь*. История дает нам все основания предполагать, что славяне должны были располагать достаточными познаниями в языке аваров – намного большими, чем греки или франки. С другой стороны, слав. *\*ǫbŕ-* (*\*obŕ-*) не может быть непосредственно отождествлено с предполагаемой

<sup>4</sup> Об отглагольных именах с суффиксом *\*-n* см. Benzing 1955: 58 (где характеристика «Art Partizip einer unvollendeten Handlung» правомерна, по-видимому, с общеалтайской точки зрения); Суник 1982: 90 (критика точки зрения И. Бенцинга); Болдырев 1987: 149-153. Семантика *nomens agentis* является не единственной, но вполне возможной у этих имен, особенно в южных тунгусо-маньчжурских языках.

<sup>5</sup> «Die normale Pluralendung ist *\*+l* (bzw. *\*+r*, das bei Wörtern auf ...*n* an die Stelle des *n* tritt) (Benzing 1955: 76).

исходной формой \**apar* и ее лениционными рефлексам и заставляет предполагать специфическое развитие вокализма второго слога (либо уже на славянской почве, либо в одном из языков-посредников)<sup>6</sup>.

## 2. Боян / *Bajan*

Констатация тюркского (тюрко-булгарского) или монгольского происхождения аваров основывается едва ли не в первую очередь на имени первого или одного из первых аварских каганов – *Бояна* (*Bajan*, греч. *Baïanós*, ок. 568-582) – ср. монг. *bajan* ‘богач, богатый’, булг.-тюрк. \**bajan* (> чуваш. *pujan*), общетюрк. *baj*<sup>7</sup>. См. Németh 1930: 104; Moravcsik 1983 II: 83-84; ЭСРЯ I: 203; Менгес 1979: 80-83; Ligeti 1986: 141-143; Golden 1992: 111. Однако данная основа – в том же виде и с тем же значением – имеет практически повсеместное распространение и в тунгусо-маньчжурском: эвенк. негид. маньчж. *bajan*, ороч. удэг. ульч. орок. *baja(n-)*, нан. *bajä* ‘богатый, богач’ (с притяжательным суффиксом также ‘богатство’), чжурчж. *póh-yâng* ‘богатый’. См. ТМС I: 65, где приводится и значительное количество дериватов от данной основы. При этом если глагольный дериват солон. *bajaži* ‘разбогатеть’, нан. *bajači-* ‘жить богато’ следует, очевидно,

<sup>6</sup> По-видимому, наряду со слав. \**ābŭr-* источник с преобразованным гласным второго слога отражен в венг. *óriás* ‘великан’. Адекватная этимология этого слова, связывающая его со славянским названием аваров (к которому восходит, среди прочего, и польск. *olbrzym*, ст.-польск. *obrzym* ‘великан’) была указана Я. Калимой (Kalima 1950: 305-308; к сожалению, EWUng. II: 1068 при рассмотрении слова *óriás* отдает предпочтение фонетически совершенно несостоятельной версии о заимствовании из др.-русс. *варязи* (варяг)). Наиболее вероятным фонетическим источником венг. *ór-* в *óriás* (-*íás* – суффиксальная часть, как в венг. *udvariás* ‘вежливый, höflich’ от *udvar* ‘двор, Hof’) должна была быть форма типа *awur/awr*; венг. *ó* могло развиться из \**aw*, \**ow* (+C/#) или \**awu*, \**owu*, но не из \**awa*, \**owa* (ср. венг. *hó*, *hava-* ‘снег’ из \**haw*, \**hawa-*).

<sup>7</sup> В чуваш. *pujan* можно видеть как причастие наст. вр. к *puj-* богатеть, так и монголизм (Егоров 1964: 163); ср. сомнения относительно второй из этих версий (ЭСРЯ II: 29) и ее игнорирование (Федотов 1996 I: 440).

считать монголизмом (письм.-монг. *bajaži-* ‘to become rich’), то многие другие дериваты свидетельствуют если не об исконности рассматриваемой основы, то по крайней мере об ее устойчивом и многовековом бытовании в тунгусо-маньчжурских языках. Ср. эвенк. *Bajagir*, *Bajakī* (названия родов), *bajakī* ‘богатая чем-то местность’, *bajan-*, *bajta-* ‘богатеть’, *bajan-* ‘обогащать’, негид. *bajan-* ‘разбогатеть’, ороч. удэг. ульч. нан. *bajana-* ‘богатеть’, ороч. *bajamu-* ‘обогащать’, маньчж. *baja-* ‘разбогатеть’, *bajambu-* ‘обогащать’, *bajanda-* ‘богатеть’ (и др.). Вероятно, именно в силу этого авторы ТМС указывают монг. и тюрк. формы лишь как параллели, но не как источники тунг.-маньчж. слов. Такой подход можно признать правомерным. Даже если согласиться с версией Г. Дерфера и ряда других авторов (монг. > тунг.-маньчж., см. Joki 1952: 80; TMEN II: 259-260, Nr. 714; Doerfer 1985: 37, Nr. 69)<sup>8</sup>, то заимствование – с учетом присутствия слова в чжурчжэньском и т.д. – должно быть отнесено к столь давней эпохе, что в Восточную Европу интересующего нас “аварского” периода оно в качестве личного имени с равным успехом могло бы быть принесено как тюрками-булгарами или монголами, так и тунгусо-маньчжурами<sup>9</sup>.

Изложенные данные и соображения по поводу имени *Боян* (кстати, сходные соображения можно высказать и в связи с цент-

<sup>8</sup> Возведение тюрк. и, далее, прочих алтайских форм к ср.-перс. *bay* ‘бог; господин’ (< иран. \**baga-*) – см. Шервашидзе 1989: 72 – представляется совершенно неприемлемым.

<sup>9</sup> Есть, впрочем, все основания подозревать, что направление заимствования – тунг.-маньчж. < монг. – устанавливается здесь, как и в ряде других случаев, исходя из общей идеи о том, что все культурные и лексические влияния шли в центральноазиатском ареале неизменно по цепочке “тюрк. > монг. > тунг.-маньчж.”, идеи, которая особенно близка антиалтаистам (“wer einmal mit Bewußtsein die vielen Wanderungen gerade tü. Wörter in alle nur möglichen Sprachen der Welt erfaßt hat, der glaubt nicht mehr so leicht an die Urverwandtschaft der ‘altaischen’ Sprachen” – TMEN II: 260). Автор, по крайней мере, не видит фонетических или морфологических критериев, которые бы препятствовали обратному предположению – о тунг.-маньчж. источнике монг. *bojan*.

ральнoазиатским титулом *каган*) служат, впрочем, лишь прелюдией к следующему пункту.

### 3. *Bojar-*

Допущение о тунгусо-маньчжурском характере имени *Bajan* позволяет без затруднений связать с этим именем древний славянский титул *bojar-/bol'ar-* (Sg. *bojarinъ/bol'arinъ*, Pl. *bojare/bol'are*). Как уже отмечено в пункте 2, множественное число имен на ПТМ \*-n образуется посредством суффикса \*-r, вытесняющего данный -n: эвенк. *bajan* 'богач, богатый', Pl. *bajar*. Эта форма мн. числа отражена также в эвенкийских родовых названиях *Бояр*, *Буяр* (Василевич 1969: 263); с ней связано и маньчж. *bajara* 'гвардия' (по сути дела – 'бояре'). Подобный способ образования мн. числа является специфически тунгусо-маньчжурским (монг. *bajan* 'богатый' – также с неустойчивым ауслатным -n – имеет Pl. *bajad*).

Семантически в этом случае слав. *bojar-* можно либо соотнести с апеллятивным значением тунг.-маньчж. *\*bajar* ('бояре' = 'богачи, знатные люди, гвардия'), либо рассматривать его как передачу ассоциативного мн. числа от личного имени знаменитого аварского кагана ('бояре' = 'Боян и его окружение', 'род Бояна')<sup>10</sup>.

Объяснение слав. *bojar-* как передачи тунг.-маньчж. *\*bajar* не очень далеко отстоит от части существующих тюркских или тюрко-монгольских интерпретаций славянского титула, которые ориентированы на тот же в конечном счете алтайский этимон. Среди этих объяснений наиболее распространенным является возведение титула к тюрк. *baj ār* 'богатый человек' (ЭСРЯ I: 204; Менгес 1979: 83-85; Черных 1993 I: 106), при этом форма *bol'ar-* рассматривается как продукт контаминации со слав. *bol'-* 'больше, больший'. Известна и иная версия, ориентированная на первичность слав. формы с -l' и предполагающая в качестве источника тюрк. *bojla āri* или *bojlar* 'человек знатного сословия, знать' (см. там же). Заслуживает упоминания и мнение, согласно которому *bojar-* и *bol'ar-* восходят к двум разным алтайским источникам (Sadnik, Aitzetmüller 1975: 384-386).

<sup>10</sup> В последнем случае вырисовывается прямая аналогия между обозначениями *бояре* и исторически более поздним *Рюриковичи*.

Отмечу некоторые преимущества предлагаемой здесь тунгусо-маньчжурской версии, предусматривающей, в частности, трактовку *Боян* и *бояр-* как непосредственно взаимосвязанных и, в конечном счете, этимологически тождественных форм.

А. Очевидная фонетическая близость обеих форм находит убедительное объяснение. Вокализм слав. *Боян* следует, по всей видимости, объяснять двоякой субституцией алт. (булг.-тюрк./монг./тунг.-маньчж.) *a* в имени-источнике: в первом слоге (безударная позиция) – через раннеобщеслав. *ǣ* (> позднеобщеслав. *o*); во втором слоге (ударная позиция) – через раннеобщеслав. *ā* (> позднеобщеслав. *a*). Ср. аналогичную субституцию в слав. *\*ǣwārǣ* 'товар, груз, рогатый скот' < тюрк. *tavar* и т.д.

Б. Близость обеих форм отражена и в фонетическом параллелизме их стяженных вариантов. С одной стороны, к личному имени *Bojan* восходят титулы наместника, воеводы: болг. макед. *бан*, схрв. *bán* (откуда и венг. *bán*, представленное в качестве обратного заимствования в ряде других славянских языков), см. Sadnik, Aitzetmüller 1975: 234-235. С другой стороны, стяженной формой к *bojar-* (только в русском языке) является *бар-*: *баре*, *барин*. Заметим, что этот стяженный вариант мог развиваться на основе только *j*-овых, но не *l'*-евых форм: славянская контракция охватывает только последовательности типа -*VjV*-, ср. чеш. слцк. *pás*, польск. *pas*, схрв. *pás* ~ *pòjās*, слн. *pás* ~ *pojās* 'пояс' и т.д. (Carlton 1991: 157, 200-201, 214-215).

В. Становится вполне понятным то обстоятельство, что на славянской почве заимствованная форма мн. числа *bajar* была снабжена сингулятивным суффиксом *\*-inъ* (так же, как и др.-русс. *объринъ*, Pl. *объре*, см. выше)<sup>11</sup>.

Не исключено, что данную серию этимологических этюдов удастся продолжить. Программой-минимум исследований в этом направлении можно считать констатацию того факта, что тунгусо-маньчжурская версия происхождения аваров – или, точнее, одного из существенных компонентов аварского этно-

<sup>11</sup> Именно присутствие сингулятивного суффикса стремился объяснить К. Г. Менгес, постулируя в качестве источника незасвидетельствованную и мало реальную тюрк. форму мн. числа *bojlar* вместо *bojlalar* (Менгес 1979: 84-85).

конгломерата – заслуживает, во всяком случае, такого же внимания, как тюркская или монгольская версии. Программа-максимум может привести к кардинальному пересмотру наших взглядов на то, каким было соотношение различных алтайских этнических компонентов в ранней истории Центральной Азии и всей Великой Степи.

## Литература

- Benkő, Loránd 1996. *Nyelvünk vallomása a honfoglaló magyarságról*. – Magyar Tudomány, 8. sz., 958-963.
- Benzing, Johannes 1955. *Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichenden Grammatik*. (Akad. d. Wiss. und d. Lit. in Mainz. Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse. Jg. 1955, Nr. 11.) Wiesbaden.
- Carlton, Terence 1991. *Introduction to the Phonological History of the Slavic Languages*. Columbus, OH.
- Czeglédy, Károly 1983. From East to West: The Age of Nomadic Migrations in Eurasia. – *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 3: 25-126.
- Doerfer, Gerhard 1985. *Mongolo-Tungusica*. (Tungusica, Bd. 3.) Wiesbaden.
- EWUng. = Benkő, Loránd (Hrsg.). *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen*. Bd. I-III. Budapest 1992-1997.
- Futaky, István 1970. Zur Frage der "altaischen" Lehnwörter im Ungarischen. – In: *Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum*, Pars I. Tallinn. 587-592.
- Futaky, István 1973. Einige Aspekte zur Erforschung der uralisch-tungusischen Beziehungen. – In: *Festschrift für Wolfgang Schlachter zum 65. Geburtstag*. Göttingen. 25-34.
- Futaky, István 1980. Neuere Untersuchungen über die älteren uralisch-tungusischen Beziehungen. – *Finnisch-Ugrische Mitteilungen* 4: 47-59.
- Futaky, István 1995. *Gyep és gyepű*. – *Magyar Nyelv* XCI/3: 333-340.
- Futaky, István 1999. *Berény*. – *Magyar Nyelv* XCV/2: 204-206.
- Gabain, Annemarie von 1950. *Altürkische Grammatik*. 2. Aufl. (Porta Linguarum Orientalium XXIII). Leipzig.
- Gołab, Zbigniew 1992. *The Origins of the Slavs: A Linguist's View*. Columbus, OH.
- Golden, Peter B. 1992. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples*. Wiesbaden.
- Gombocz, Zoltán 1916. A pannoniai avarok nyelvéről. – *Magyar Nyelv* XII/2: 97-102.

- Györffy, György 1997. Az avarok nyelve. – In: *Honfoglalás és nyelvészet*. (A honfoglalásról sok szemmel III.). Budapest. 141-144.
- Helimski, Eugene 2000. On Probable Tungus-Manchurian Origin of the Buyla Inscription from Nagy-Szentmiklós. – *Studia Etymologica Cracoviensia* V.
- Heuser, Fritz 1962. *Türkisch-deutsches Wörterbuch*. 5. Aufl. Wiesbaden.
- Janhunen, Juha 1996. *Manchuria: An Ethnic History*. (MSFOu 222). Helsinki.
- Joki, Aulis J. 1952. *Die Lehnwörter des Sajansamojedischen*. (MSFOu 103). Helsinki.
- Kalima, Jalo 1950. Zur ungarischen Etymologie. – In: *Commentationes Fenno-Ugricae in Honorem Y. H. Toivonen*. (MSFOu 98). Helsinki. 305-310.
- Kollautz, Amulf – Miyakawa, Hisayuki 1970. *Geschichte und Kultur eines völkerwanderungszeitlichen Nomadenvolkes: Die Jou-Jan der Mongolei und die Awaren in Mitteleuropa*. Bd. I-II. Klagenfurt.
- Ligeti, Lajos 1986. A pannóniai avarok etnikuma és nyelve. – *Magyar Nyelv* LXXXII/2: 129-151.
- Menges, Karl H. 1968a. *Tungusen und Ljao*. (Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes XXXVIII, 1). Wiesbaden.
- Menges, Karl H. 1968b. *The Turkic Languages and Peoples: An Introduction to Turkic Studies*. (Ural-Altaische Bibliothek XV). Wiesbaden.
- Moravcsik, Gyula 1983. *Byzantinoturcica*. Bd. I-II. 3. Aufl. (Berliner byzantinistische Arbeiten 11). Berlin.
- Németh, Gyula 1930. *A honfoglaló magyarság kialakulása*. Budapest.
- Ölmez, Mehmet 1997. Eski Türk yazıtlarında yabancı ögeler (2). – *Türk Dilleri Araştırmaları* 7: 176-186.
- Pohl, Walter 1988. *Die Awaren: Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567-822 n.Chr.* München.
- R = Radloff, Wilhelm. *Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialekte*. St. Pétersbourg 1893-1911.
- Róna-Tas, András 1997. *A honfoglaló magyar nép: Bevezetés a korai magyar történelem ismeretébe*. Budapest.
- Sadnik, Linda – Aitzetmüller, Rudolf 1975. *Vergleichendes Wörterbuch der slawischen Sprachen*. Bd. I: A/B. Wiesbaden.
- Sinor, Denis 1969. *Inner Asia: A Syllabus*. (Uralic and Altaic Series 86). Bloomington – The Hague.
- Stachowski, Stanisław 1975. *Studien über die arabischen Lehnwörter im Osmanisch-Türkischen*. Teil I: A-I. (Prace komisji orientalistycznej 13). Wrocław e.a.
- Szádeczky-Kardoss, Samu 1998. *Az avar történelem forrásai 557-től 806-ig*. Budapest.
- TheophSim = Феофилакт Симокатта. *История*. Москва, 1957.

- TMEN = Doerfer, Gerhard. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit*. Bd. I-IV. (Akad. d. Wiss. und d. Lit. Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission XVI, XIX, XX, XXI). Wiesbaden 1963-1975.
- Tryjarski, Edward 1995. Z azjatyckiej przeszłości Awarów. – In: Tryjarski, Edward. *In confinibus Turcarum: Szkice turkologiczne*. Warszawa. 37-54.
- Wehr, Hans 1956. *Arabisches Wörterbuch für die Schriftsprache der Gegenwart*. 2. Aufl. Leipzig.
- Болдырев, Б. В. 1987. Словообразование имен существительных в тунгусо-маньчжурских языках в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск.
- Василевич, Г. М. 1969. *Эвенки: Историко-географические очерки (XVIII – начало XIX в.)*. Ленинград.
- ДТС = *Древнетюркский словарь*. Ленинград 1969.
- Егоров, В. Г. 1964. *Этимологический словарь чувашского языка*. Чебоксары.
- Менгес, Карл Г. 1979. *Восточные элементы в "Слове о полку Игореве"*. Ленинград.
- Сунник, О. П. 1982. *Существительное в тунгусо-маньчжурских языках*. Ленинград.
- ТМС = *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков* / Отв. ред. В. И. Цинциус. I-II. Ленинград 1975-1977.
- Федотов, М. Р. 1996. *Этимологический словарь чувашского языка*. Т. I-II. Чебоксары.
- Хелимский, Е. А. 1985. Самодийско-тунгусские лексические связи и их этноисторические импликации. – In: *Урало-алтаистика. Археология, этнография, язык*. Новосибирск. 206-213.
- Черных, П. Я. 1993. *Историко-этимологический словарь русского языка*. I-II. Москва.
- Шервашидзе, И. Н. 1989. Фрагмент общетюркской лексики. Заимствованный фонд. – *ВЯ* 1989/2: 54-92.
- ЭСРЯ = Фасмер, М. *Этимологический словарь русского языка* / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. I-IV. Москва 1964-1973.
- ЭСТЯ = (Севортян, Э. В.) *Этимологический словарь тюркских языков*. [Т. I-V]. Москва 1974-1997.

HENRYK JANKOWSKI

### BASKAKOV'S CLASSIFICATION OF NOGHAI DIALECTS REVISITED

The aim of this paper is to demonstrate that the classification of the Noghai language into dialects based upon phonetic features proposed by Baskakov (1940) and repeated in his later works is inaccurate. An attempt will also be made to correct some other inadequacies in Baskakov's studies on the Noghais.

#### 1. Inadequacy in establishing principles of classification

Firstly, Baskakov's classification is not comprehensive, for it ignores a few groups of Noghais. In fact, Baskakov has only visited and studied the Kuban Noghais, whom he termed Ak Noghais, the Noghais inhabiting western settlements of so-called Noghai Steppe between the rivers Kuma and Terek, whom he called Proper Noghais, and the Kara Noghais of eastern settlements of the Noghai steppe. This steppe was in 1957 administratively divided between Stavropol country of the present-day Russian Federation, Daghestan Autonomous Republic, also part of Russian Federation, and Chechen-Ingush Autonomous Republic. There are a few other Noghai groups that fell outside the scope of Baskakov's study: the Noghais of Astrakhan, Crimean Noghais, and so-called Kumuk Noghais of Daghestan<sup>1</sup>, who should not

<sup>1</sup> The Kumuk Noghai (Qumuq Nogay), according to their habitation places, are subdivided into Targu, Yaḡsay and Köstek Nogay (Gadžieva 1976: 8). In the past, they were subjected to Kumuk landowners. It is true that many